

УДК 82-311.1

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В РОМАНЕ

Г. ШУЛЬПЯКОВА «МУЗЕЙ ИМЕНИ ДАНТЕ»

Ромашова Н.Ю.

студентка,

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,

Саранск, Россия

Аннотация

В статье рассматривается жанровое своеобразие романа Г. Шульпякова «Музей имени Данте» через анализ повествовательных стратегий, которые использует автор. Это позволило нам продемонстрировать жанровое богатство романа и его социальный и философский смысл.

Ключевые слова: роман, повествователь, жанр, жанровое своеобразие, герой.

FEATURES OF THE NARRATIVE STRATEGIES IN THE NOVEL BY G.

SHULPYKOV «MUSEUM OF DANTE»

Romashova N.Y.

student,

Ogarev Mordovia State University,

Saransk, Russia

Annotation

The article discusses the genre originality of the novel G. Shulpyakov "Museum of Dante," through the analysis of the narrative strategies that the author uses. This allowed us to demonstrate the genre richness of the novel and its social and philosophical meaning.

Keywords novel, narrator, genre, genre originality, hero.

Четвертый по счету роман, вышедший из-под пера московского поэта и прозаика Г. Шульпякова, был высоко оценен критиками и литературоведами, которые отметили окрепший голос Шульпякова-прозаика и оценили легкость романа. Сам автор говорит, что роман действительно дался ему легче предыдущих, несмотря на большой объем. Объясняет он это тем, что в основу «Музея имени Данте» легла реальная история, которая нуждалась лишь в доработке и по ходу романа обростала вымышленными персонажами. Надо отметить, что в романе нашлось место не только подлинной биографии, но и мемуарам, документальным хроникам, а также другим жанрам, которые соприкасались друг с другом на протяжении всего произведения. В связи с этим, целью нашей статьи стало рассмотрение жанрового своеобразия романа «Музей имени Данте» через анализ повествовательных стратегий, избранных автором.

Но прежде, чем перейти к подробному рассмотрению романа определимся, что под повествовательными стратегиями, опираясь на исследование С. С. Пахомовой, мы будем понимать «способ подачи фактического материала, который избирает тот или иной автор для коммуникации с читателем как основным реципиентом текста, способ, в известной мере предполагающий предусмотренность и организованность интерпретации самой структурой текста. Иными словами, особенности авторской манеры изложения событий в тексте: «каким образом автор описывает последовательность происходящих событий, как он их трактует, какие событийные категории при этом оказываются ключевыми» [5, 20].

Роман начинается повествованием от лица главного героя – телеведущего программы о памятниках культуры, но уже буквально через несколько глав повествователь замолкает и в тексте романа появляется безличное документальное описание. Происходит это в момент, когда съёмочная группа пребывает на месте работы, в город Двинск.

«С середины XVII века волость и деревни по реке приписывают к монастырю на Острове. Этот монастырь, основанный по указу патриарха Никона, построили при государевой поддержке в невиданно короткие сроки. Для закрепления духовного авторитета на престол рукоположили архимандрита, а Святой Крест заказали в Иерусалиме. Он состоял из ковчежцев, где хранились мощи святых мучеников» [6, 15].

В текст включается географическая справка, будто бы заимствованная из краевого справочника. Она, как и положено данному жанру, насыщена фактографическими подробностями и лишена оценочного суждения. Так у читателя складывается абсолютно реальное представление о месте событий, но стоит повествованию перейти в руки главного героя, как рассказ становится абсолютно личным и приобретает ту свободу, которую может получить сюжет только в устах реального героя, непосредственного участника событий.

Но автору, как мы впоследствии понимаем, было недостаточно одного голоса в романе, и он вводит в текст новый – это голос неизвестного, который звучит на страницах дневника, найденного героем во время съемок программы. Этот неизвестный похоронен на местном острове, и о его истории любви до сих пор ходят легенды.

«Подробно рассказывая о пройденном пути, я ничего не сказал о Любви. Да и зачем говорить о том, чего не было. В разные годы мне нравились две-три девушки, но разве можно назвать это увлечение Любовью? Тем всепоглощающим, сжигающим душу чувством, которого я ждал всю жизнь? И вот теперь, когда в прожитых днях осталась моя одинокая юность, она пришла – беспощадная, безысходная. Любовь, испепелившая душу» [6, 121].

Из дневниковых записей читатель узнает, что их автор – молодой поэт, страстно влюбленный в свою сокурсницу. Она – его центр мира, его религия. Но отсутствие ответных чувств со стороны девушки приводит героя в отчаяние, и тот, в надежде забыться, принимается за перевод

дантовского «Ада». Это первое упоминание имени великого классика, к которому читатель будет возвращаться несколько раз. Заметим, что здесь фигура флорентийского поэта, как говорит сам Шульпяков, лишь «тень» и не несет сюжетобразующей силы, но она бесспорно создает романтический ореол вокруг повествования. История неизвестного пробуждает интерес в телеведущем, которому созвучны любовные терзания и который переживает сложный период в отношениях с возлюбленной. Кроме того, записи датируются 30-м годом, и теперь будто сама история лежит в его руках.

Красной нитью тема прошлого проходит через весь роман. Так в первых главах мы становимся наблюдателями еще одного важного эпизода из жизни героя, когда он вдруг стал частью исторического события – танковой атаки Белого Дома в Москве 90-х годов, когда история России вершилась на его глазах и стала частью собственной судьбы. Спустя несколько лет после этих событий герой стремился забыть об этом трагическом воспоминании, забыть о том тяжелом прошлом, которое выпало на страну, но попытки откреститься от этого оказались безуспешными, и в душе родилась неприязнь к родному городу: «Я жил в «Москве» постояльцем: от одной поездки до другой. Сидел в Интернете или за книгами, собирал материалы. И ждал одного – когда наш фургон выползет за ворота студии, а потом и за Кольцевую, и дальше, дальше.

За «Москвой» нас встречала страна, чье прошлое лежало в руинах. Но это были руины, а не пустота. Это руины завораживали, поскольку по ним, как по книге, читалась история. <...> Это прошлое, это исчезнувшее время было свободно от настоящего. Но именно в нем заключался смысл того, что происходило сегодня. Шифр. Ключ. Но в чем? И какой?» [6, 107]

В поисках ответов на вопросы, которые рождались после чтения дневника, повествователь вновь возвращается в Дубровичи, к старшему

научному сотруднику, работавшему в местном Музее имени Данте. Поршняков – хранитель коллекции рукописей и переводов Данте, вдруг оказывается внуком господина Поршнякова, приходившегося близким другом Неизвестному. Вот так история вновь переплетается и обнаруживаются совершенно неожиданные связи. Из уст хранителя музея герой узнает другие шокирующие подробности интересующей его истории: возлюбленная повествователя оказывается родной внучкой той женщины, которую так страстно любил и обожествлял Неизвестной. Теперь любопытная местная байка приобретает совершенно другой оттенок и становится непосредственной частью судьбы героя, но кончается ли этим роман?

Повествователь возвращается в Москву, к своей обыденной жизни. О дальнейших событиях, происходящих с героем, читатель узнает не из уст самого повествователя, а от 3-го лица.

Сцена II

Зинора Львовна, старший научный.

Сухая и горячая ладонь. Тяжелые кольца.

– Можно просто Зинора.

– Губернатор заварил кашу с ремонтом моста.

– Теперь все опаздывают.

Достаёт, когда мы садимся в автобус, термос:

– Я не боюсь.

<...>

Докладывает:

– Ваши уже отсняли в музее.

– Завтра завод.

– Послезавтра пикник с губернатором.

[6, 419-420]

События в романе неожиданно облачаются в форму драматических сцен, что, по нашему мнению, имеет цель показать быстротечность этого

этапа в жизни героя. Как будто жизнь вернулась в привычный уклад, где нет загадочных историй о двух влюбленных, и катилась вперед ровно и гладко, как по заранее отрепетированному сценарию.

Затем сцены сменяются более привычным для читателя повествованием из уст рассказчика, которое заканчивается эпилогом. Здесь перед читателями раскрывается дневник повествователя, который ведет тот, находясь на острове в Дубровичах, где когда-то доживали свой век незнакомец и его возлюбленная. Как мы понимаем из этих записей, герой находится на новом этапе своей жизни – жизни отшельника, которого изредка посещают друзья и знакомые. Он погружен в рассуждения о судьбе, которая так замысловато связывала между собой не только разных людей, но и огромные временные пласты. Все это приводит героя к философским рассуждениям об историческом прошлом: «Что если бы люди знали время смерти? Куда бы ушла история? Зашла? Вернулась? Встала? Если бы дату смерти каждый получал при рождении? Случайные даты, как в рулетку? Как бы люди вели себя? А то живут, словно впереди вечность» [6, 469].

Читатель, не успев сделать окончательные выводы о судьбе героя, что, надо сказать, сделать невозможно, так как история продолжается, переходит к последним страницам книги, на которых опубликованы стихи. Они написаны другом повествователя, чьи рассуждения и идеи в романе были созвучны самому Шульпякову. Кстати, все стихи, помещенные в финал романа, знакомы читателям из поэтических сборников Шульпякова. И в этом прослеживается явная параллель с «Доктором Живаго», который заканчивается стихами Пастернака, якобы написанными главным героем романа – Юрием. Наши догадки подтверждает сам автор, высказываясь о Пастернаке и его влиянии на роман так: «Это ведь очень московский поэт, ярко выраженный такой москвич. А мой роман, он еще и о Москве. О разной Москве — 90 х и нынешних. К тому же творческая молодость Пастернака пришлась на

послереволюционный московский кавардак 20 х — а мои герои начинают жить и писать именно в сумятице 90 х. Еще: Пастернак был одним из тех поэтов, кто довольно сильно повлиял на меня и поэтов моего поколения, моего окружения» [7].

Как эти стихи попали в текст романа, мы узнаем из интервью Шульпякова: «Любой поэт, пишущий прозу, рано или поздно напишет о своей юности, о поэтах и поэзии. Будет ли он включать в книгу стихи? Или — как Гандлевский в «НРЗБ» — нет? У меня до последнего и мысли такой не было. Но потом вдруг подумал, что для читателя это ведь самое интересное — узнать, что пишет человек, который вот так живет? Так мыслит? Так ведет себя по жизни? Какие стихи у него из этого сора пишутся? Кто он в стихах? Вечная интрига чистовика и черновика!» [7].

Как мы видим, перед нами роман, представляющий собой метажанровое образование. Г. Шульпяков на пространстве одного художественно текста синтезировал несколько жанровых форм: роман-исповедь, роман-репортаж, документальное повествование, дневниковые записи, историческую хронику, стихи. При этом каждый раз способ включения нового жанра в текст был довольно резок – без любых предувещаний читателя, тем не менее, мы не можем назвать эти включения неорганичными. Они перемещали читателя из одного столетия в другое, показывали события с сугубо личной стороны или же наоборот – исторической, переплетали частное с общим, судьбу одного человека с судьбой другого человека и даже целой страны. Многообразие избранных автором повествовательных стратегий, использование аллюзий и реминисценций позволило представить как широкую панораму истории страны, так и судьбу отдельного человека.

Библиографический список:

1. Гудкова С.П. «Мир спасет красота...», или современная проза в поиске утраченных ценностей / С.П. Гудкова / Финно-угорский мир. – 2015. – №1 (22). – С.121-123.

2. Гудкова С.П. Особенности развития классических традиций в романе А. Артемьева «Прежде чем уйти» / С.П. Гудкова / Вестник угроведения. – 2014. – №3 (18). – С.33-38.
3. Осовский О.Е. Сохраняя «духовное лицо» русской литературы: подлинная история «Современных записок» в архивных материалах и примечаниях к ним / О.Е. Осовский / Вопросы литературы. – 2016. – №1. – С.353-371.
4. Осовский О.Е., Осовский О.О. «Драку заказывали?» Скандал как объект культурологического описания и историко-литературного изучения ним / О.Е. Осовский, О.О. Осовский / Вопросы литературы. – 2010. – № 5. – С.464-479.
5. Пахомова С.С. Повествовательные стратегии в современной прозе / С.С. Пахомова // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Санкт-Петербург. – 2012. – 223С.
6. Шульпяков Г.Ю. Музей имени Данте / Г.Ю. Шульпяков // Москва: Эксмо. – 2013. – 497С.
7. Шульпяков Г.Ю. Интервью. Человек вообще никто / Г.Ю. Шульпяков / Портал о современной культуре «Шо» [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <http://sho.kiev.ua/article/91797> (Дата обращения 10.01.2018)